

ТАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ПѢХОТЫ.

Было бы напрасно закрывать глаза на недостатки нашего обученія въ пѣхотѣ, изъ которыхъ многіе уже хорошо извѣстны, повторяясь съ постоянной правильностью на ученіяхъ и маневрахъ, несмотря на печальный опытъ послѣдней войны.

При этомъ нельзя сказать, чтобы мы не работали. Офицеры очень заняты. Даже младшіе офицеры, за исключеніемъ нѣкоторыхъ періодовъ въ году, имѣютъ очень мало свободного времени, а о ротныхъ командирахъ и говорить не приходится.

Кромѣ постоянныхъ, обыденныхъ занятій, мы рѣшаемъ тактическія задачи на планахъ, работаемъ на полевыхъ поѣздкахъ, ведемъ бесѣды... Военная литература достигла небывалыхъ размѣровъ; ее уже трудно охватить. Нѣтъ, казалось бы, болѣе ни одного вопроса, который оставался бы недостаточно разработаннымъ...

А между тѣмъ—дѣло обученія у насъ по прежнему поставлено не вполне удовлетворительно. Машина не двигается и не работаетъ, какъ бы слѣдовало. Выходитъ такъ, какъ будто мы прилагаемъ всѣ наши усилія не къ тѣмъ рычагамъ и колесамъ.

Въ чемъ же причины этого явленія и какъ въ нихъ разобраться?

Если вдуматься въ положеніе дѣла, то нельзя не замѣтить, что причины неправильной постановки занятій въ войскахъ и средства для ихъ устраненія можно искать въ двухъ направленіяхъ.

Одно изъ этихъ направленій стремится въ глубину и находитъ причины неправильной постановки занятій—въ самомъ фундаментѣ нашей арміи, въ ея бытѣ и организаціи или, иначе говоря, въ ея органическихъ недостаткахъ.

Такіе недостатки можно видѣть:

1) Въ условіяхъ пополненія нашей арміи изъ народа съ низкимъ уровнемъ умственного и даже физическаго развитія, съ большимъ процентомъ инородцевъ.

2) Въ условіяхъ пополненія арміи унтеръ-офицерами, которыхъ трудно подготовить на срочной службѣ даже въ иностранныхъ (напр., въ германской) арміяхъ и еще труднѣе въ нашей арміи—съ недостаткомъ развитія самихъ унтеръ-офицеровъ и съ тѣми трудностями, которыя предстоитъ преодолѣвать имъ же въ качествѣ учителей для прочей массы нижнихъ чиновъ.

3) Въ условіяхъ пополненія арміи офицерами, которые выходятъ изъ училищъ недостаточно подготовленными и даже недостаточно воспитанными въ требованіяхъ военной службы.

4) Въ условіяхъ дальнѣйшаго движенія по службѣ, при которомъ интересы службы и справедливость не всегда соблюдаются и не всегда дѣйствительно достойные получаютъ повышеніе.

Съ вѣрностью этихъ замѣчаній, до извѣстной степени, нельзя не согласиться.

Всякое дѣло создаютъ и развиваютъ не правила или предписанія, не бумага, а люди. Если матеріалъ, который представляютъ обучаемые — плохъ, если учителей — не хватаетъ, а у этихъ учителей не хватаетъ побужденій для того, чтобы жертвовать свои силы на пользу дѣла, — то дѣло идти не можетъ. Никакая школа не можетъ давать хорошихъ результатовъ при подобныхъ условіяхъ.

Но приведенные органическіе недостатки безъ особыхъ изслѣдованій вызываютъ нѣсколько коренныхъ возраженій, которыя могутъ ослабить или видоизмѣнить значеніе самыхъ недостатковъ.

Кто изъ строевыхъ работниковъ не знаетъ, что грамотность вовсе еще не означаетъ развитія и понятливости въ военномъ

дѣлѣ, что извѣстнаго рода тупость, если она не является признакомъ природной глупости или вырожденія, проходитъ подъ дѣйствіемъ обученія.

Нашъ простолюдинъ, мужикъ или рабочій, въ особенности изъ коренныхъ русскихъ губерній, приноситъ часто съ собой не только сокровища цѣльнаго, нетронутого народнаго духа, но и удивительную природную смѣтливость, несомнѣнные признаки ума.

При этомъ, что всего важнѣе, эти качества сказываются какъ разъ именно тамъ, гдѣ они всего нужнѣе, т. е. въ полевой работѣ, въ которой простолюдинъ ориентированъ легче не только горожанина, но подъ-часъ и нашего брата, офицера.

Вообще, если выбирать между арміей съ большимъ процентомъ неграмотныхъ и арміей грамотныхъ, но съ большимъ процентомъ социалистовъ, то, конечно, не приходится долго раздумывать. А потому, въ общемъ, надо признать, что наша армія, несмотря на недостатокъ развитія нижнихъ чиновъ, обладаетъ все же очень хорошимъ солдатскимъ матеріаломъ, которому можетъ позавидовать любая армія на свѣтѣ.

То же самое можно сказать и относительно унтеръ-офицеровъ. Здѣсь дѣло, конечно, труднѣе и сложнѣе. Но все дѣло въ томъ, какъ за него взяться, чтобы по возможности ослабить значеніе нѣкоторыхъ недостатковъ и выдвинуть или дать развиваться такимъ природнымъ качествамъ, которыя особенно цѣнны.

Обратимся къ офицерскому вопросу.

Нельзя не согласиться, что этотъ вопросъ самый трудный и самый важный. Принятый у насъ порядокъ подготовки и выпуска офицеровъ нельзя считать идеальнымъ. Долженъ признаться, что я, лично, принадлежу къ сторонникамъ того взгляда, что изъ военныхъ училищъ вообще нельзя выпускать прямо офицерами въ войска. Но слѣдуетъ выпускать юнкерами или подпрапорщиками съ тѣмъ, чтобы кандидаты на офицера прошли основательное (годовое) испытаніе въ частяхъ на должностяхъ взводныхъ командировъ и получили, во-первыхъ, удостоеніе строевого начальства, во-вторыхъ признаніе корпусомъ офицеровъ, что они достойны носить это званіе.

Я вообще исхожу изъ той мысли, что полученіе хорошихъ отбѣтокъ въ знаніи и пониманіи содержанія тѣхъ или другихъ книгъ, въ томъ числѣ педагогика, которая у насъ вовсе не преподается, не значитъ еще, что выдержавшій испытаніе можетъ быть хорошимъ офицеромъ.

Но съ другой стороны, я не могу не признать, что основательное отношеніе къ затронутому мною вопросу—съ самаго начала выводить его за болѣе тѣсныя предѣлы постановки обученія въ войскахъ.

Я не могу также не признать, что существующій порядокъ выпуска офицеровъ находится въ тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ условій службы. Въ числѣ возраженій на мой проектъ приходилось слышать даже такое, что, для прохожденія слишкомъ длиннаго и суроваго испытанія, не найдется достаточнаго числа желающихъ. Такого рода возраженія надо, разумѣется, повѣрить на дѣлѣ. Но несомнѣнно, что вопросъ о выпускѣ въ офицеры нельзя разрѣшить просто и легко и соединеніе этого вопроса съ задачами обученія можетъ только усложнить разсмотрѣніе этихъ задачъ и въ то же время не дать окончательныхъ результатовъ.

То же, въ еще большей степени, относится до дальнѣйшаго служебнаго движенія и производства, ибо этотъ вопросъ еще сложнѣе, чѣмъ вопросъ о выпускѣ офицеровъ, и разсматривать его въ связи съ задачами обученія было бы прямо невозможно.

Вотъ почему въ послѣдующемъ изложеніи я ограничусь лишь тѣми вопросами, которые непосредственно связаны съ задачами и ходомъ обученія, не касаясь болѣе глубокихъ причинъ организаціоннаго характера. Еще разъ повторяю, что я не думаю отрицать ихъ значенія. Сдѣланное мною предисловіе, напротивъ, показываетъ, что я придаю имъ большое значеніе.

Отнесеніе всѣхъ главнѣйшихъ причинъ недостатковъ обученія къ затронутымъ мною общимъ вопросамъ имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что приводитъ къ откладыванію задачъ обученія, что называется, «въ долгій ящикъ» или, иначе говоря, къ неправильному заключенію о безпомощности настоящаго положенія.

Пусть это положеніе имѣетъ извѣстные недостатки; пусть условія службы очень многихъ «учителей», на плечахъ которыхъ лежитъ главная работа по подготовкѣ нашего главнаго рода войскъ, т. е. пѣхоты; пусть условія эти нележки и требуютъ нѣкоторыхъ коренныхъ измѣненій: но... отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы можно было откладывать насущнѣйшіе и прямые вопросы обученія до болѣе счастливыхъ временъ, не думая о томъ, что неумолимая судьба можетъ снова призвать насъ къ отвѣту, нисколько уже не справляясь съ тѣмъ, кто и въ какой степени удовлетворенъ своимъ служебнымъ положеніемъ.

Надо работать; надо работать, какъ можно скорѣе, не теряя времени. Быть можетъ наше отечество еще никогда такъ не нуждалось въ подготовкѣ арміи, какъ въ настоящее время.

Къ тому же позволю себѣ сдѣлать еще одно общее замѣчаніе. Нѣкоторые изъ насъ подчасъ жалуются на судьбу и говорятъ о трудностяхъ и невзгодахъ службы. Но вѣдь весь истинный смыслъ службы каждаго строевого офицера заключается въ подготовкѣ арміи! Въ этомъ его призваніе, ради котораго онъ долженъ служить и работать. Если же это такъ, то какъ бы ни были тяжелы условія службы, ближайшія задачи работы, которая составляетъ призваніе,—должны быть извѣстны и ясны всѣмъ и каждому.

Можно-ли это сказать относительно задачъ обученія, по крайней мѣрѣ, въ пѣхотѣ?

Мы могутъ возразить, что указаніе этихъ задачъ должно исходить сверху. Въ извѣстной мѣрѣ это справедливо. Но только въ извѣстной мѣрѣ; указанія сверху должны опираться на результаты опыта и практическихъ знаній настоящихъ строевыхъ работниковъ, должны опираться на частный починъ. Всѣ уставы, положенія, наставленія и т. п., только тогда хороши и прочны, когда они опираются на данныя извѣстной, уже установившейся «школы».

Существуетъ ли у насъ подобная школа? Видимъ-ли мы такую практику, на которую можно было опереться? Видимъ-ли мы такое дружное проявленіе частнаго почина, которое оставалось бы только обобщить?

На всѣ эти вопросы приходится пока отвѣчать отрицательно, а потому первая и ближайшая забота должна состоять въ томъ, чтобы вызвать къ жизни эту практику и этотъ постоянный частный починъ.

А еще раньше, надо способствовать распространенію знаній, безъ которыхъ невозможно вести дѣло. Надо признать, что знаній этихъ у насъ недостаточно. Нужно ихъ сперва добыть, какъ изъ теоріи, такъ и изъ практики, а тогда, быть можетъ, и самая служба покажется легче, ибо, во-первыхъ, время и задачи получать болѣе удобное распредѣленіе, а во-вторыхъ, что всего важнѣе, служба получитъ дѣйствительный смыслъ и содержаніе, никогда не обращаясь въ такъ называемое торчаніе, отбываніе номеровъ или обязательное ничегонедѣланіе.

Послѣ этого предисловія, обратимся къ ближайшей цѣли настоящаго изслѣдованія, въ тѣхъ болѣе тѣсныхъ и опредѣленныхъ рамкахъ, которыя имѣютъ въ виду непосредственныя задачи и приемы обученія въ пѣхотѣ, а также тѣ условія, отъ которыхъ это обученіе непосредственно зависитъ. Начнемъ съ этихъ условій, которыя являются внѣшними по отношенію къ войскамъ, ибо войска могутъ оказать извѣстное, но медленное воздѣйствіе на ихъ измѣненіе, но не могутъ измѣнить ихъ въ короткій срокъ.

Эти внѣшнія условія, въ общемъ неблагоприятныя для подготовки пѣхоты, могутъ, какъ мнѣ кажется, быть сведены въ слѣдующія 4 группы:

- 1) Несовершенство нашихъ уставовъ и положеній для обученія.
- 2) Непрактичное построеніе курсовъ тактики.
- 3) Недостатокъ единства въ предъявляемыхъ на практикѣ требованіяхъ.
- 4) Недостатокъ времени и матеріальныхъ средствъ для обученія.

Я не хочу сказать, что несовершенство нашихъ уставовъ составляетъ главную причину недостатковъ въ нашемъ обученіи.

Если обратиться, напримѣръ, къ отзывамъ иностранцевъ о нашей послѣдней войнѣ съ японцами, то можно встрѣтить мнѣніе, что уставы наши были хороши и стояли на высотѣ требованій, но мы не умѣли ими пользоваться или просто ихъ не исполняли.

Кромѣ того остается широкое поле цѣлесообразнаго пользованія уставами, т. е. такого пользованія, при которомъ устарѣлая буква устава оставалась бы въ сторонѣ, а наиболѣе жизненные и практичныя требованія находили бы себѣ примѣненіе. Другими словами, надо примѣнять уставы не по буквѣ, а по духу требованій, какъ это рекомендуетъ также и генералъ Лешъ въ своемъ извѣстномъ руководствѣ. Къ отзывамъ генерала Леша я позволю себѣ сдѣлать ту поправку, что наши уставы до ихъ переработки надо примѣнять не по духу ихъ требованій, но по духу современнаго боя, ибо, какъ можно подтвердить разборомъ уставовъ, нѣкоторые изъ нихъ уже неполнѣ отвѣчаютъ этимъ требованіямъ. Потому-то ими и надо пользоваться умѣючи, т. е. со знаніемъ дѣла.

Наибольшее значеніе имѣетъ для насъ «Строевой уставъ», изданія 1908 г.

Нельзя сказать, чтобы уставъ этотъ не давалъ отправныхъ точекъ для обученія.

Имѣются нѣкоторыя пробѣлы, изъ которыхъ главнѣйшіе касаются пропуска нѣкоторыхъ боевыхъ построеній (напримѣръ, колонны цѣпей) и боевыхъ приемовъ (напримѣръ, разные случаи накопчиванія), получившихъ испытаніе въ нашу послѣднюю войну, а въ особенности всего, что касается до управленія огнемъ.

Въ послѣднемъ отношеніи стоитъ, напримѣръ, сравнить наши указанія для веденія огня взводомъ въ разсыпномъ строю, изложенныя на одной страничкѣ (§§ 123 — 126) подъ названіемъ «стрѣльба въ цѣпи», гдѣ указаны только однѣ команды, съ соответствующими параграфами германскаго строевого устава, изложенными на 10 страницахъ и заключающими цѣлый рядъ практическихъ указаній подъ заглавіями: виды огня и команды, дѣйствительность огня и управленіе огнемъ (5 страницъ).

Но желательная для пользы дѣла переработка нашего строевого устава должна выразиться, какъ мнѣ кажется, не столько въ дополненіи устава недостающими опредѣленіями (кромѣ отдѣла управленія огнемъ, который долженъ быть основательно дополненъ), сколько въ измѣненіи самой редакціи уставныхъ требованій, которымъ нужно было бы придать другой характеръ.

Въ этомъ отношеніи желательно было бы прежде всего не отводить такъ много мѣста формѣ, какъ у насъ это дѣлается. Я не хочу сказать, что форма должна быть вовсе упразднена. Описаніе строевъ и перестроеній, конечно, необходимо. Можно также сохранить по привычкѣ понятіе о боевомъ порядкѣ, какъ о первоначальной формѣ развертыванія для боя. Но не слѣдуетъ придавать «боевому порядку» такого исключительно важнаго значенія, какъ это дѣлаетъ нашъ уставъ, излагающій все, что касается боевыхъ дѣйствій роты и баталіона подъ заглавіями: боевой порядокъ роты (стр. 89—102) и боевой порядокъ баталіона (стр. 113—120). Какъ будто нельзя опредѣлять боевыхъ дѣйствій внѣ понятія о боевомъ порядкѣ?

Мнѣ кажется, здѣсь коренится глубокое недоразумѣніе, основанное на пережиткахъ, перешедшихъ къ намъ изъ прежнихъ уставовъ, которые, несмотря на всю свою устарѣлость, оказали воздѣйствіе на редакцію устава 1908 года. Прежніе уставы, по свойству прежней тактики, занимались почти исключительно формами построеній. И вотъ новый уставъ не могъ окончательно отрѣшиться отъ завѣтовъ старины и сохранилъ преобладающее значеніе за формой, съ той разницей, что вмѣсто построеній выдвинулъ на первый планъ «боевые порядки». Но «боевые порядки» были и

остаются все-таки не болѣе, какъ формой, описаніе и изученіе которой не исчерпываетъ всѣхъ боевыхъ приемовъ или дѣлаетъ это со слишкомъ узкой точки зрѣнія.

Не останавливаясь пока въ подробностяхъ на вопросѣ, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ боевыми приемами, укажу лишь для поясненія своей мысли, что строевой уставъ, съ принятой имъ точки зрѣнія разсматриваетъ управление частями и движенія въ бою, какъ управление боевымъ порядкомъ и его движенія, а самый бой съ уставной точки зрѣнія представляется какъ бы измѣненіями въ боевомъ порядкѣ, что, конечно, не охватываетъ самой сущности дѣла.

Такимъ образомъ, одинъ изъ главныхъ недостатковъ нашего строевого устава выражается въ предпочтеніи, которое оказывается въ немъ въ формѣ передъ сущностью боевыхъ дѣйствій.

Другой недостатокъ вытекаетъ изъ перваго и заключается въ слабой мотивировкѣ уставныхъ требованій, т. е. въ недостаточномъ развитіи соображеній, отъ которыхъ зависитъ то или другое изъ этихъ требованій. Такимъ образомъ, говорится (§ 194), что боевой порядокъ роты составляется изъ взводовъ въ цѣпи и изъ взводовъ въ резервѣ. Но зачѣмъ и почему нужно такое раздѣленіе?

Удаленіе резерва (§ 196) опредѣляется тѣмъ, чтобы съ одной стороны—быть всегда въ состояніи во-время помочь цѣпи, а съ другой—не подвергаться напраснымъ потерямъ и быть незамѣтнымъ. Но все это зависитъ въ очень большой и достаточно опредѣленной степени отъ свойствъ ружейнаго и артиллерійскаго огня, основываясь на которыхъ можно было бы дать болѣе практичныя указанія.

На всѣ подобныя замѣчанія можно, конечно, возразить, что недостающія указанія было предположено изложить въ Наставленіи, которое должно было «объяснить свойства и примѣненіе уставныхъ формъ и правилъ къ дѣйствительной обстановкѣ и тѣмъ дать руководящія основанія для проявленія самостоятельности». Но, насколько могу судить, для Наставленія было отложено вообще слишкомъ много, а въ уставъ включено слишкомъ мало.

Казалось бы, что руководящія основанія для примѣненія уставныхъ формъ и правилъ можно было бы включить въ уставъ. Сюда же слѣдовало включить—обязанности начальниковъ въ бою, не придерживаясь только тѣхъ, которыя вызываются боевыми порядками.

Между тѣмъ изложеніе обязанностей въ нашемъ строевомъ уставѣ вынуждаетъ также желать нѣкоторыхъ измѣненій.

Общія обязанности въ бою каждаго начальника въ пѣхотѣ оставлены въ сущности безъ разсмотрѣнія. Съ другой стороны въ § 116 изложены десять обязанностей «начальника въ цѣпи», которыя обобщать, подобнымъ образомъ, для исполненія всѣми возможными начальниками въ цѣпи отъ унтеръ-офицера до опытнаго ротнаго командира,—крайне трудно. Къ тому же это вообще можетъ имѣть скорѣе «научное», чѣмъ практическое значеніе. Несравненно важнѣе изложить прямо обязанности частныхъ начальниковъ, стараясь отмѣтить, какъ общія, такъ и различныя между ними черты.

При всемъ томъ нельзя не отмѣтить, что уставъ написанъ мѣстами слишкомъ труднымъ языкомъ. Нельзя сказать, чтобы языкъ этотъ былъ неточенъ или неправиленъ. Но остается такое впечатлѣніе, какъ будто бы уставъ имѣетъ въ виду не практическое и сполненіе обязанностей, но теоретически и логически точное ихъ опредѣленіе, которое заключало бы въ себѣ всѣ необходимыя требованія въ самой короткой формѣ. Подобная редакція очень хороша въ извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ уложеніи о наказаніяхъ, но уставъ, какъ мнѣ кажется, долженъ преслѣдовать практическія цѣли. Онъ долженъ просто и ясно указывать, что и какъ надо дѣлать и чего не надо дѣлать, не гонясь за точными и слишкомъ краткими опредѣленіями, которыя обращаются въ общія мѣста, если не имѣютъ въ виду указаній, извлеченныхъ изъ опыта.

Не желая вовсе сказать, что нашъ уставъ долженъ быть написанъ какъ германскій, который также имѣетъ свои недостатки, я позволю себѣ сравнить изложеніе обязанностей взводнаго по нашему и по германскому уставу, чтобы пояснить свою мысль. Выше я уже останавливался на такомъ сравненіи для управленія огнемъ. Теперь остановлюсь на обязанностяхъ по управленію движеніемъ.

Въ нашемъ уставѣ всѣ вообще обязанности взводнаго «перечислены» очень систематично въ § 117, но въ п. 4-мъ этого параграфа сказано лишь, что при передвиженіяхъ командиръ взвода обязанъ—указывать стрѣлковыя позиціи, назначать направленіе и направляющее отдѣленіе, лично вести свой взводъ, когда онъ передвигается весь одновременно, а при передвиженіяхъ отдѣленіями, звеньями и по одиночкѣ, руководить очередью отдѣленій и порядкомъ перебѣжекъ. Дальше въ §§ 127—134 (движенія цѣпи) эти

слишком общія указанія получаютъ очень немного практическихъ дополненій.

Между тѣмъ тотъ же вопросъ въ германскомъ уставѣ изложенъ, хотя и безъ краткихъ опредѣленій, но ближе къ дѣлу.

Въ германскомъ уставѣ прямо сказано, что взводный прежде всего старается съ возможно меньшими потерями настолько продвинуться впередъ, чтобы съ расчетомъ на успѣхъ начать стрѣлковый бой. Для этого онъ наступаетъ, пока возможно, одновременно одной густой боевой цѣнью; открытыхъ мѣстъ избѣгаетъ или же разсыпаетъ взводъ по полувзводно или по отдѣленіямъ совершенно рѣдкими цѣпями и двигаетъ ихъ одну за другой на одинаковыхъ разстояніяхъ. По открытіи огня простѣйшій способъ передвиженія—это перебѣжки цѣлымъ взводомъ; когда это затруднительно нужно разбить фронтъ на меньшія части. Лучшимъ средствомъ продвиганія впередъ является—перевѣсъ огня. И т. д.

Приходится останавливаться на этихъ редакціонныхъ пропускахъ по той причинѣ, что простое, дѣловое и не слишкомъ красочное, изложеніе въ особенности важно именно у насъ для подготовки унтеръ-офицеровъ. Нельзя имѣть—однѣй уставъ для офицеровъ, а другой для унтеръ-офицеровъ. Между тѣмъ нынѣ унтеръ-офицеръ очень мало можетъ извлечь полезнаго изъ устава безъ посторонней помощи и не можетъ, напримѣръ, самъ повторить свои обязанности или навести справку, что составляетъ серьезное неудобство.

Возможно, что всѣ эти пробѣлы не были бы такъ чувствительны, если бы существовало наставленіе къ строевой пѣхотной службѣ, но, повторяю, что изложеніе обязанностей необходимо имѣть прямо въ уставѣ. Что же касается до имѣющагося «*Проекта наставленія для веденія боя пѣхотой, 1910 года*», то изданіе это можетъ служить для нѣкоторыхъ частныхъ справокъ, но очень мало дополняетъ уставъ и даже не вполне отвѣчаетъ тѣмъ задачамъ, которыя оно преслѣдуетъ.

Прежде всего въ это Наставленіе включено слишкомъ много изъ области дѣйствій отрядовъ всѣхъ родовъ войскъ, между тѣмъ пропущены обязанности частныхъ начальниковъ и даже цѣлыя весьма важныя отдѣлы, какъ, напримѣръ: развертываніе для боя, подготовка атаки, особенности встрѣчнаго боя, ночного боя, боевыхъ дѣйствій зимой, особенности боевъ за различные мѣстные предметы, пополненіе патроновъ, помощь раненымъ и т. п.

Отдѣлъ управления огнемъ остается неразработаннымъ.

Редакція проекта носитъ слишкомъ поспѣшный характеръ ¹⁾; встрѣчаются требованія изъ мирно-маневренной практики, какъ бы указывающія, что все Наставленіе написано передъ большими маневрами ²⁾.

Но главный недостатокъ заключается опять въ приверженности къ формамъ и даже къ нѣкотораго рода шаблонамъ.

Приемы развертыванія въ боевой порядокъ почему-то пропущены (подъ этимъ заглавіемъ на стр. 4 изложенъ подходъ къ полю сраженія), но на слѣдующихъ страницахъ,—въ статьяхъ о дѣйствіи авангарда и главныхъ силъ, объ уравниеніи движенія и объ исполненіи этого движенія въ сферѣ того или другого огня,—«боевой порядокъ» опять выступаетъ на главное мѣсто. Наряду съ этимъ встрѣчаются слишкомъ формальныя указанія; напримѣръ, въ основу уравниенія движенія положено равеніе сперва на первой стрѣлковой позиціи, потомъ—по передней части; не подчеркнута значенія общей и частныхъ задачъ и взаимной выручки, при которыхъ самое «уравниеніе» получаетъ второстепенное значеніе.

Наконецъ, шаблонъ проглядываетъ:

1) Въ изложеніи приемовъ наступленія боевымъ порядкомъ (подъ заглавіемъ «направленіе наступленія»), которое имѣетъ въ виду одинъ лишь случай наступленія противъ «атакуемой позиціи», да, къ тому же, занятой съ промежутками.

2) Въ «прохожденіи зоны артилерійскаго огня», которое по проекту Наставленія должно производиться въ строяхъ по-ротно, а обстрѣливаемая мѣста—по-взводно, съ оговоркой, что движеніе частями ротъ получить случайное примѣненіе, въ общемъ же движеніе будетъ цѣлымъ боевымъ порядкомъ.

3) Въ «прохожденіи зоны дальняго ружейнаго огня», которое имѣетъ въ виду лишь одинъ изъ случаевъ, а именно: высылку цѣпей, по взводу отъ роты, въ 3,000 шагахъ отъ противника, затѣмъ непрерывное движеніе и занятіе первой стрѣлковой позиціи въ разстояніи 1,500—1,800 шаговъ отъ противника.

Между тѣмъ, занятіе первой стрѣлковой позиціи составляетъ

¹⁾ Стр. 4: движеніе будетъ имѣть расположеніе предрѣшеннаго боевого порядка..., стр. 9: прочія части порядка полка будутъ двигаться параллельно направляющей части..., стр. 13: 6-ымъ разойдутся на боевые интервалы и дистанціи дѣйствительнаго артилерійскаго огня.

²⁾ Стр. 34: «артилерія зачастую» принимать за сигналъ къ перебѣжкамъ..., стр. 35: объ атакѣ безъ сигнала вовсе не говорится, стр. 54: «пѣхота сейчасъ же ставитъ дистанціонные знаки, полученные результаты записываются на дощечкахъ, стр. 78. мѣста начальниковъ на маневрахъ тѣ же, что и въ дѣйствительномъ бою..

безспорно одинъ изъ важнѣйшихъ боевыхъ приѣмовъ, который у насъ пока еще недостаточно налаженъ, но сущность его выражается, конечно, не въ соблюденіи дистанціи (хотя бы приблизительно), но въ одновременномъ (по возможности—внезапномъ) открытіи огня значительнымъ числомъ ружей, чтобы сковать противника, воспользоваться сразу его ошибками и подготовить дальнѣйшее наступленіе.

Насколько «непрерывное движеніе до 1,500—1,800 шаг.» далеко не всегда примѣнимо, видно изъ слѣдующихъ отзывовъ Рябинина¹⁾.

«Даже на дальнихъ дистанціяхъ въ 2,000—1,500 шаг., трудно вести наступленіе одновременно всею цѣпью, хотя бы въ послѣдней и было не болѣе 50 стрѣлковъ» (стр. 19).

«При атакѣ Бенсиху 28-го сентября 1904 г. Сибирскіе полки понесли большія потери уже на дистанціяхъ 1,800—1,200 шаговъ; 1-го марта на Фаньхэ дистанціями упорнаго стрѣлковаго боя были 2,000—1,000 шаговъ».

Во всякомъ случаѣ роль пѣхоты до 1,800—1,500 шаг. нельзя считать «крайне пассивной», какъ это дѣлаетъ проектъ Наставленія (стр. 22).

Не останавливаясь на разборѣ *Устава полевой службы*, изд. 1904 года, нельзя не замѣтить, что въ смыслѣ требованій и указаній для пѣхоты уставъ этотъ также нуждается въ переработкѣ. Желательно внести измѣненія въ сторожевую службу на основаніи опыта послѣдней войны. Еще болѣе желательно разработать приемы развѣдывательной службы для пѣхоты, чтобы въ исполненіи дозорной службы не приходилось довольствоваться правилами для развѣздовъ.

Наконецъ, всѣ почти наши *Положенія объ обученіи* молодыхъ солдатъ, старослужащихъ и т. п., *Положеніе о занятіяхъ* съ унтеръ-офицерами, *Планъ и Инструкція* для занятій въ пѣхотѣ, до такой степени устарѣли, что было бы напрасно подвергать ихъ болѣе подробному разбору.

Но нельзя не остановиться на желательности переработки «*Наставленія для обученія стрѣльбѣ*», которое болѣе другихъ уставовъ и наставленій отражается на ходѣ обученія въ мирное время, а затѣмъ и на боевой подготовкѣ.

Главнѣйшіе недочеты этого Наставленія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Недостатокъ разработки того, что относится до дисциплины огня и управленія огнемъ.

2) Недостаточная разработка важнѣйшаго изъ отдѣловъ, т. е. боевой стрѣльбы частями.

3) Несоразмѣрно малый отпускъ патроновъ и другихъ припасовъ и приспособленій для обученія стрѣльбѣ и недостатокъ отпусковъ для устройства тировъ и широко оборудованныхъ стрѣльбищъ.

4) Нѣкоторое увлеченіе оцѣнкой успѣховъ стрѣльбы въ процентахъ безъ достаточнаго развитія другихъ коррективовъ.

5) Обиліе формальныхъ указаній при сравнительной ограниченности указаній по методикѣ, т. е. по части приѣмовъ для обученія стрѣльбѣ.

Не задаваясь здѣсь подробнымъ разборомъ Наставленія по всѣмъ этимъ пунктамъ¹⁾, слѣдуетъ подчеркнуть лишь то особое значеніе, которое имѣютъ первые два пункта, недостатокъ разработки которыхъ приводитъ къ тому, что обученіе стрѣльбѣ является у насъ какъ бы обособленнымъ отдѣломъ, не связаннымъ съ другими отдѣлами обученія.

Чтобы достигнуть связи необходимо соединить тактическія задачи со стрѣлковыми, но сперва разработать приемы управленія огнемъ и всѣ данныя для расчета и примѣненія дѣйствительности огня на различныя дистанціи, т. е. короче говоря—разработать стрѣлковую тактику, которая составляетъ основаніе современнаго пѣхотнаго боя.

При этомъ еще разъ приходится подчеркнуть необходимость изложенія приѣмовъ и требованій этой стрѣлковой тактики совершенно простымъ и яснымъ языкомъ, въ видѣ практическихъ указаній, которыя можно было бы приложить прямо къ дѣлу. Это требованіе въ особенности касается таблицъ стрѣльбы, которыми у насъ почти не пользуются.

Въ предшествующемъ изложеніи мы коснулись нѣкоторыхъ недостатковъ въ нашихъ Уставахъ, Наставленіяхъ и другихъ официальныхъ изданіяхъ съ точки зрѣнія постановки занятій въ пѣхотѣ. Но, быть можетъ, наши современные курсы тактики восполняютъ этотъ недостатокъ?

Такое предположеніе представляется тѣмъ болѣе естественнымъ, что военное дѣло, а въ особенности военная техника, развиваются очень быстро; чуть не каждый годъ приноситъ что-нибудь

¹⁾ «Бой роты и баталіона по опыту Русско-Японской войны».

¹⁾ Разборъ этотъ сдѣланъ въ №№ 217 и 218 «Русскаго Инвалида» за 1910 г.

новое. Между тѣмъ, уставы не могутъ измѣняться и передѣлываться съ такою же быстротою, а потому во всѣхъ почти арміяхъ они сохраняютъ нѣсколько консервативный характеръ.

Другое дѣло тактика, которая можетъ развиваться съ полнымъ либерализмомъ и должна, напротивъ, отражать въ себѣ всѣ новѣйшіе взгляды и теченія. Наша тактика нѣсколько грѣшитъ въ этомъ отношеніи, не всегда поспѣвая за быстрымъ темпомъ военной техники за границей. Но главный ея недостатокъ заключается не въ этомъ.

Было бы напрасно утверждать, что она совсѣмъ не слѣдитъ за военнымъ дѣломъ. Нѣкоторыя новшества, въ родѣ ползанія или сигнализациі, напротивъ, принимаются у насъ иной разъ на-вѣру, слишкомъ быстро. Но случилось какимъ-то образомъ, что наша тактика въ извѣстный, нынѣ уже прошедшій, моментъ утратила связь съ развитіемъ военного дѣла, углубилась въ нѣкоторую самодовлѣющую область и съ тѣхъ поръ не можетъ наладиться. Долженъ сознаться, что я раздѣляю мнѣніе автора одной замѣтки въ «Русскомъ Инвалидѣ», который высказываетъ, что наша «элементарная тактика», съ легкой руки еще барона Медема, составляетъ «нѣчто въ родѣ изслѣдованія полета снаряда въ пустотѣ въ баллистикѣ, разсматривая и изслѣдуя свойства пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи отдѣльно, внѣ дѣйствительнаго боя и независимо каждаго изъ родовъ войскъ отъ остальныхъ».

Я пойду еще далѣе и позволю себѣ упрекнуть современную тактику въ прямой схоластикѣ, которая не только слишкомъ много занимается умозрительными изысканіями о сущности родовъ оружія и разныхъ «элементовъ», о свойствахъ бойца (напоминая изслѣдованія средняго человѣка по Кювье), о преимуществахъ атаки или обороны и т. п., но придаетъ даже практическимъ даннымъ неправильное освѣщеніе или неестественную классификацію, которая ей нужна яко-бы для болѣе научной постановки изслѣдованій. Такимъ путемъ наша тактика все дальше уходитъ отъ практики и, хотя многіе изслѣдователи добросовѣстно трудятся надъ разными «вопросами», но работа ихъ со «строевой» точки зрѣнія имѣетъ очень небольшую пользу для дѣла.

Чтобы не быть голословнымъ я остановлюсь вкратцѣ на разборѣ одного изъ самыхъ распространенныхъ курсовъ тактики полковника Анисимова. Въ своемъ предисловіи авторъ самъ говоритъ, что многіе вопросы изложены имъ недостаточно выпукло многіе только намѣчены, а нѣкоторые не затронуты вовсе. Въ

виду этого всѣ указанія спокойной и объективной критики будутъ приняты съ особой признательностью.

Съ избранной мною точки зрѣнія весь 1-й отдѣлъ курса, т. е. «пѣхота» (177 стр.) можетъ быть раздѣленъ на двѣ части.

Къ первой я отношу главы: I—элементы пѣхоты и боевыя ея свойства (23 стр.), II—порядки и строи пѣхоты (20 стр.), III—боевыя порядки пѣхоты (32 стр.), IV—огонь пѣхоты (39 стр.).

Ко второй—главы: V—наступательныя дѣйствія пѣхоты (41 стр.), VI—оборонительныя дѣйствія пѣхоты (12 стр.), VII—ночныя дѣйствія пѣхоты (10 стр.).

По поводу второй части можно сдѣлать цѣлый рядъ замѣчаній: главы ея далеко неодинаково разработаны (что видно даже изъ числа страницъ); раздѣленіе боевъ на наступательныя и оборонительныя далеко не пещернываетъ сущности боя, который по цѣли своей можетъ имѣть значительно больше подраздѣленій (атака укрѣпленной позиціи не похожа на атаку временно занятаго расположения, встрѣчный бой имѣетъ рѣзкія особенности и т. д.); отдѣльные выводы автора могутъ вызвать продолжительные споры: но все же V, VI и VII главы говорятъ о дѣлѣ и прочесть ихъ полезно, не взирая на нѣкоторые «элементарные» пробѣлы¹⁾ и на слишкомъ ученый слогъ, изобилующій «элементами».

Первая часть не производитъ такого благопріятнаго впечатлѣнія. Нельзя сказать, чтобы въ ней не было полезныхъ свѣдѣній. Свѣдѣній этихъ очень много, даже слишкомъ много. Но общее построеніе и расположеніе I, II, III и IV главъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Спѣшу, впрочемъ, оговориться, что этотъ упрекъ надо отнести не къ полковнику Анисимову, который видимо потратилъ много работы для выполненія извѣстныхъ установленныхъ программъ,—но къ общимъ недостаткамъ извѣстныхъ взглядовъ на дѣло и на теорію, отъ которыхъ онъ не могъ лишь отрѣшиться.

Въ I главѣ авторъ, хотя исходитъ изъ «основныхъ элементовъ», но приходитъ къ неправильнымъ выводамъ, что главныя свойства пѣхоты—самостоятельность, простота состава, сравнительная слабость огневого дѣйствія и медленность движеній (стр. 23). Если бы тѣ же выводы изложить болѣе простымъ языкомъ, не слишкомъ гоняясь за сущностью вещей и краткостью опредѣленій, то

¹⁾ Да не поспѣетъ авторъ, но раздѣленіе боя только на два вида я считаю элементарной ошибкой, а элементы обороны по моему скорѣе затемнить, чѣмъ разъяснить дѣло (стр. 155).

они были бы понятнѣе. Теперь же они, повторяю, невѣрны, ибо ни одинъ изъ родовъ войскъ не отличается самостоятельностью, огонь пѣхоты, причиняющій 85% пораненій на войнѣ, совсѣмъ не слабъ, а движенія могутъ быть и медленныя и быстрыя. Все дѣло въ томъ, что свойства пѣхоты (какъ и другихъ родовъ войскъ) имѣютъ лишь относительное значеніе и изслѣдовать ихъ отдѣльно отъ другихъ значитъ напрасно тратить слова и время.

Въ той же главѣ авторъ посвящаетъ около 4-хъ страницъ важнѣйшимъ для офицера вопросамъ о подготовкѣ, т. е. о воспитаніи и обученіи пѣхоты. Относительно принциповъ воспитанія не будемъ говорить, ибо авторъ дѣлаетъ простую ссылку на свое введеніе. Но обученіемъ онъ, повидимому, предполагаетъ заняться серьезно. Что же онъ даетъ по этому трудному и сложному вопросу? Нѣсколько общихъ разсужденій, какъ достигнуть обученія, которое, по мнѣнію автора, преслѣдуетъ только три цѣли: 1) выносливость и ловкость, 2) дѣйствіе оружіемъ—стрѣлять и колоть, 3) тактическую подготовку (вести бой, идти походомъ, развѣдывать и сторожить).

Но классификація эта прежде всего невѣрная, ибо выносливость, ловкость и дѣйствіе оружіемъ надо также включить въ «тактическую подготовку». При томъ же, перечисленіе выходитъ неполное. Сомкнутый строй имѣетъ безспорно весьма важное воспитательное и сравнительно ограниченное боевое значеніе, тѣмъ не менѣе ни одинъ командиръ полка не подумаетъ исключить его изъ отдѣловъ обученія. Столь же невозможно исключить изъ отдѣловъ обученія и устанавливать новый взглядъ на уставы внутренней службы, гарнизонный и т. п. Вообще было бы лучше, не вдаваясь слишкомъ глубоко въ научныя основы, взять распisanіе занятій въ одномъ изъ полковъ и основательно его проштудировать. Тогда бы авторъ увидѣлъ всю сложность и трудность принятой имъ на себя задачи. Такую трудность, которая заставила бы его отказаться отъ мысли трактовать слегка подобный вопросъ, какъ то, между прочимъ, дѣлается имъ во вступительной главѣ къ курсу тактики. Но здѣсь опять не вина автора, если у насъ до сей поры не рѣшились устроить въ училищахъ особый курсъ военной педагогики, который, конечно, надо проходить послѣ курса тактики.

Обратимся ко II, III и VI главамъ курса.

Здѣсь главное мѣсто отведено формальнымъ указаніямъ и боевымъ порядкамъ, которые вообще занимаютъ почти $\frac{1}{3}$ всего курса. Начинаются увѣ.. знакомыя и безплодныя разсужденія о томъ, что резервные порядки должны отвѣчать тремъ, а боевыя—пяти условіямъ.

Нововведеніемъ является раздѣленіе боевого порядка роты на три части: боевая часть, резервъ и обезпеченіе фланговъ (?). Повидимому, здѣсь извѣстная форма расположенія начинается уже путаться со схемой боевыхъ приемовъ (недостаетъ развѣдки). Боевой порядокъ баталіона, по мнѣнію автора, имѣетъ 4 вида, изъ коихъ форма № 3 (три роты въ боевой части и одна въ резервѣ) признается «нормальной въ двухъ случаяхъ». Да проститъ мнѣ авторъ, но я совершенно объективно усматриваю въ этомъ мѣстѣ его курса возвращеніе ко временамъ, если не Очаковскимъ, то Севастопольской кампаніи! Между прочимъ, авторъ высказываетъ сожалѣніе, что уставъ не регламентировалъ еще и расположеніе полка въ сферѣ огня и не далъ ему опредѣленнаго термина, ибо и то, и другое будто бы «совершенно необходимо, какъ для наиболѣе яркаго выраженія основной идеи боевыхъ строевъ пѣхоты (!), такъ и для краткости и точности тактического языка (!)». Однако научное изслѣдованіе боевыхъ порядковъ не спасаетъ отъ неправильныхъ выводовъ даже съ этой узкой точки зрѣнія, ибо говорится, что боевая часть должна быть самостоятельна, чтобы выполнить свое назначеніе, не прибѣгая, если можно, къ помощи резерва (?). Затѣмъ, она должна быть удобоуправляема, что въ сущности неосуществимо. Наиболѣе характерная особенность современной «боевой части» заключается именно въ трудности управленія, которую надо преодолѣть. Говорится также, что резервъ—это единственное (!) средство управленія. А одинъ изъ способовъ связи въ цѣпи указывается—въ медленности движенія (!).

Тѣ же научныя тенденціи не избавляютъ автора отъ неправильной «классификація элементовъ», которая приводитъ къ тому, что свойства боевыхъ порядковъ, движенія въ нихъ и управленіе разсматриваются отдѣльно отъ огня пѣхоты, между тѣмъ весь внутренній смыслъ «боевыхъ порядковъ» опредѣляется свойствами этого огня. Подобнымъ же образомъ движенія въ боевомъ порядкѣ разсматриваются отдѣльно отъ примѣненія къ мѣстности. Можно было разсмотрѣть сперва движенія на ровной мѣстности, а затѣмъ ввести болѣе сложную обстановку. Но изслѣдованіе движенія безъ мѣстности дѣйствительно напоминаетъ изученіе полета снаряда въ безвоздушномъ пространствѣ, о которомъ было говорено выше.

Этимъ не исчерпываются недостатки нашихъ курсовъ тактики, къ которымъ, кромѣ охарактеризованныхъ выше редакціонныхъ недочетовъ, надо еще присоединить два коренныхъ недостатка, а именно:

- 1) Отсутствие связи съ содержаніемъ соотвѣствующихъ уставовъ.
- 2) Чрезвычайно большой размѣръ этихъ курсовъ, которые можно значительно сократить.

Въ Германіи, гдѣ подготовка офицеровъ, вѣроятно, не ниже нашей, первоначальные курсы тактики преслѣдуютъ прежде всего одну цѣль—дать толкованіе и развитіе уставныхъ требованій. А у насъ тактика сама по себѣ, а... практика сама по себѣ. Отсюда тактика по большей части имѣетъ какое-то неслужебное значеніе.

Широта же программы нашихъ курсовъ приводитъ къ тому, что будущіе офицеры прямо готовятся на начальника дивизіи и, пожалуй, на командира корпуса, но не знаютъ ближайшихъ обязанностей взводнаго командира, которыя, кстати, и въ уставахъ изложены весьма поверхностно. Насколько слабо поставлены эти обязанности младшихъ начальниковъ въ разбираемомъ курсѣ тактики полковника Анисимова видно изъ того, что онъ просто перечисляетъ обязанности взводнаго, дополняя ихъ характернымъ замѣчаніемъ, что «руководя дѣйствіями своего взвода, взводный командиръ чаще будетъ командовать имъ, чѣмъ управлять». За чѣмъ понадобилось такое заключеніе откуда оно взялось—неизвѣстно!

Итакъ, разсмотрѣніе одного изъ наиболѣе распространенныхъ курсовъ тактики приводитъ насъ къ заключенію, что онъ очень мало содѣйствуетъ восполненію недочетовъ въ нашихъ уставахъ, не ищетъ съ нимъ сближенія и въ концѣ концовъ стоитъ вообще на ложномъ направленіи. Но тоже въ большей или меньшей степени относится и до многихъ другихъ курсовъ.

Виноваты не авторы, а извѣстная доктрина, которая держится у насъ очень прочно, вѣроятно, по недоразумѣнію. Недоразумѣніе это тяжело отзывается на обученіи въ войскахъ, которое не имѣетъ необходимыхъ практическихъ пособій и, мало того, получаетъ учителей не только неподготовленныхъ, но съ перепутанными понятіями по самымъ простымъ вопросамъ,—ради науки!

Ф. Сгородниковъ.

